

Татьяна Репина

*Мона,
Лизка
и другие*

*Рассказы о животных
и не только*

Татьяна Репина
Мона, Лизка и другие

«Издательские решения»

Репина Т. А.

Мона, Лизка и другие / Т. А. Репина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747936-7

«Мона, Лизка и другие» — книга, предназначенная юным читателям и их родителям. Увлекательные истории из жизни домашних животных не оставят никого равнодушными. Читателям понравятся и забавная Лизка, и кот-философ Василий, и самоотверженная старушка-колли по кличке Мона, и романтическая Катька, и вообразившая себя собакой сиамская кошка Дуся, и восплававший отцовскими чувствами кот Фёдор. Прочитавшие этот сборник обязательно захотят обзавестись домашними питомцами, если до сих пор этого не сделали.

ISBN 978-5-44-747936-7

© Репина Т. А.
© Издательские решения

Содержание

Катька	6
Кубики	6
Игра в троллейбус	8
Подарок	10
Имя для подарка	12
Кто в доме хозяин	15
О любви преданной и беззаветной	20
Первая прогулка и первая стрижка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мона, Лизка и другие

Рассказы о животных и не только

Татьяна Репина

© Татьяна Репина, 2016

© Татьяна Репина, иллюстрации, 2016

Иллюстратор Ольга Фаерман

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Катька

Кубики

У Тани и Папы-Лёши было двое детей. Старшую дочь звали Машенькой, а её младшего брата-погодку – Толиком. В отличие от сестры, натуры артистичной и капризно-впечатлительной, Толик был человечком сосредоточенным, деловитым, с природной хитрецей и смекалкой. Он совершенно искренне полагал, что не Маша, а он старший в их детском семейном сообществе. Именно поэтому он был по отношению к сестре назидателен, критично относился к её девчачьим истерикам и капризным демонстрациям. При этом Толик умел исподволь добиться необходимого, пока эмоциональная Машенька настырно стояла на своём.

– Я тоже хочу играть в кубики, – обратился он как-то к сестре, старательно возводящей из цветных кубиков «замок для принцессы».

– Не мешай, Толя, это мои кубики, – тоном, не терпящим возражений, произнесла Маша и села так, чтобы отгородить свой «замок» от брата. Толик сосредоточенно нахмурил брови. Он явно не собирался отступать. Построить свой дом из кубиков – очень заманчивая идея. Но идти в лобовую атаку на Машку – себе дороже. Она опять завопит, как резаная, будет ползать по полу на карачках и причитать «а девочка была така-а-я хоро-о-ошая», и размазывать слёзы и сопли по щекам... Впрочем, вопить она будет в любом случае. Надо только решить проблему так, чтобы его намеренной вины в этих воплях было как можно меньше, потому что мама всегда сердится, когда он «доводит Машу до слёз». И как тут быть, если у сестры всегда «слёзки на колёсках»? Хитрое решение приходит само собой. Лукаво улыбаясь, Толик бежит на кухню, где хлопчет Таня, и с видом невинного ягнёнка начинает канючить:

– Ма-ам, я тоже хочу кубики!

– Займись другим, Толик, в кубики играет Маша. У вас достаточно разных игрушек, – ласково отвечает Таня.

– Я знаю! Но мне нужен только один кубик, а Маша не даёт, – продолжает свою игру Толян.

– Ну, так попроси у Машеньки ласково один кубик, – отвечает мама, – Машенька девочка добрая, она обязательно поделится с братиком. Машенька, поделись с Толиком, ему нужен всего один кубик.

Ура, план срабатывает! Толик бежит в комнату, где Маша завершает строительство.

– Маша, дай мне, пожалуйста, один кубик, – обращается он к сестре, удовлетворённый маминной поддержкой. Маша уступать не хочет, но не разрушать же образ доброй девочки.

– Ладно, бери, но только один, – говорит она, строго глядя на скорчившего просительную мордашку брата, не подозревая о подвохе.

– Спасибо! – отвечает Толян и, не мешкая, на глазах у наивной сестры бросается к её замку, выдёргивает из сооружения самый нижний кубик и замирает, прижав добычу к груди. На глазах изумлённой Маши почти достроенный «замок принцессы» разваливается на цветные кубики-кирпичи.

– А-а-а-а! – раздаётся через секунду возмущённый Машкин вопль.

– Что случилось? – прибегает из кухни Таня.

– Мой замок слома-а-ался... Толя-а кубик взя-а-ал... А девочка была такая хоро-о-ошая... до-о-брая-а...

– Я только один кубик взял, – делано удивлённо проговорил Толик и, лукаво зыря глазами, вытягивает вперёд руку с синим кубиком на ладошке. Таня едва сдерживает хохот. Она сгребает в охапку ревущую Машу, вытирает слёзы с её расстроенной мордашки и грозит за её спиной Толяну, так хитро облапошившему и её, и сестру.

Игра в троллейбус

– Мася, давай в троллейбус играть, – примирительным тоном произносит виновник строительной трагедии, бросив на ковёр теперь уже не нужный ему кубик. – Ты будешь первая ездить!

Троллейбус занимал в жизни Толика и Маши особое место. Троллейбус – это всегда путешествие. Каждое утро на нём вместе с мамой дети ехали в бабушкину сторону. Вернее, мама ехала на работу (она преподавала в лицее литературу), а в это время бабушка выходила из дома и шла к маминому лицу, чтобы перехватить у неё внуков и отвести к себе домой, чтобы заниматься там с ними, пока мама будет «учить своих оболтусов». Что значит «оболтусы» дети не очень понимали, но так баба Валя звала маминых учеников. Ехать в троллейбусе всегда было интересно. Народу в него набивалось много, толкаться было весело. Все, и взрослые, и дети, терпеливо сносили тесноту и духоту. Занять место у окошка не всегда удавалось, поэтому Толик и Маша вставали рядышком возле металлической стойки, крепко держались за неё руками, чтобы не упасть и представляли, что они плывут по морю на корабле, а это мачта. Корабль качало на волнах, иногда он натёкался на рифы (троллейбус останавливался), в борту образовывалась пробоина (двери открывались), и часть матросов вываливались в океан... «Осторожно, детей не задавите!» – кричал матрос Толик. «Не бойся, Толик, мы не погибнем!» – кричала в ответ ему Машенька. Чудесным образом брешь в борту корабля оказывалась залатанной (двери троллейбуса закрывались, впустив новых пассажиров), и, спасённые от неминуемой гибели брат с сестрой, торжественно и громко, так, чтобы слышали все спасённые, запеваали: «Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступает! Врагу не сдаётся наш гордый Варяг, пощады никто не желает!» Раздавался дружный хохот пассажиров: это матросы под торжественный гимн Толика и Маши радовались своему спасению.

Итак, Толик предложил сестре играть «в троллейбус». Надо сказать, это был жест! Игра в троллейбус – семейный хит. И всякий раз возникает спор, кто будет первым играть роль водителя. Уступить престижную роль можно было только во имя чего-то более важного. Важным был мир. Опасно было дальше раскачивать Машкину истерику и расстраивать маму Таню, тем более что близился День Толиного рождения, сулящий неожиданные подарки. Ему исполнилось 5 лет. А это вам не просто дата, это первый в жизни ЮБИЛЕЙ.

Итак, игра в троллейбус. Масяня со счастливым видом восседает верхом на большой пластиковой машине с «настоящим» рулём и большими съёмными колёсами. Она рулит вдоль по воображаемой улице Ленина от прихожей к балкону мимо дивана, на подушках которого сидит Толян и объявляет:

– Следующая остановка – кинотеатр имени Горького.

Маша старательно рулит и произносит:

– Уважаемые пассажиры, не забывайте оплатить за проезд.

В этот момент Толик встаёт ногами на диван, вытягивает вперёд руку в характерном жесте:

– Следующая остановка – площадь Революции.

– Что это ты такое изображаешь? – спрашивает вошедшая в комнату Таня.

– Это памятник Ледина, – на полном серьёзе отвечает Толян, с высоты дивана-поста-мента наблюдая за движением Машиного транспорта.

– А кто это, Ледин? – едва сдерживая смех, спрашивает Таня.

– Памятник народного вождя, – всё также серьёзно отвечает «памятник». А поскольку по условиям игры в этом месте происходит смена ролей, «памятник Ледина» спрыгивает с дивана и тоном, не терпящим возражений, предлагает сестре покинуть машину и «проезжую часть».

– Не «Ледина», а Ленина, – поправляет брата Маша, покидая водительское место. Она не сопротивляется, потому что объявлять остановки ей кажется делом не менее важным, чем рулить.

И вот, Толян уже за рулём, он не успел ещё тронуться с места, а Маша уже произносит торжественно и важно: «Следующая остановка – Университет». История с кубиком благополучно забыта.

Подарок

Сыну исполнилось пять лет, и Таня была серьёзно озабочена, что подарить ребёнку в столь знаменательный день. Полки магазинов, в том числе детских, были привычно пусты. С подарками для дочери проблем не было. Таня неплохо шила, и новое платье или тряпичная кукла, которые она мастерила своими руками, были вполне достойными подарками. А вот с выбором подарка для сына была проблема. Вернее проблемой было отсутствие в магазинах мальчиговых игрушек (при нынешнем изобилии трудно поверить, что так когда-то было). Своими мыслями на эту тему Таня поделилась в студенческой группе, где преподавала в то время литературу:

– Ума не приложу, что подарить сыну на День рождения...

– Подарите ему собаку, – предложила Оля Шевченко, – у меня как раз месяц назад моя пуделяшка оценилась. И продаём мы щенков недорого.

– А что, это идея, – подумала Таня. – Принеси щенка посмотреть, Оля, может, и правда хороший подарок получится.

...Перед следующим уроком возле стола Татьяны Анатольевны было не протолкнуться. Девчонки умиленно охали и ахали, разглядывая чёрный кудрявый комочек – месячного щенка чёрного пуделя. Комочек жалобно поскуливал, ему явно было неуютно и страшно в незнакомой обстановке.

– Условно мы назвали щенка Чёли, ну потому что чёрная. Черная – Чёли, – сказала хозяйка щенка. – Но при желании вы можете дать ей другую кличку.

– Ну, что же, пусть пока будет Чёли, а там посмотрим, – ответила Татьяна, держа на ладонях крохотного щенка и пытаясь заглянуть в его глаза.

Прозвенел звонок, все расселись по своим местам, Татьяна дала студенткам задание и взялась нянчить то, что сегодня должно было стать подарком для её пятилетнего сына.

Понятно, что задерживаться на службе в этот раз Татьяна не стала, так как спешила домой, чтобы до прихода мужа и детей обустроить каким-то образом живой подарок с условным именем Чёли и приготовить праздничный ужин. Таня шла по осеннему парку, пряча на груди под пальто живой кудрявый комочек, доверчиво сопящий ей в шею, и думала, как-то примет это приобретение Папа-Лёша и обрадуется ли подарку пятилетний юбиляр Толик.

Как ни странно, Папа-Лёша был уже дома. Он встречал Татьяну на пороге их квартиры, принимая из её рук сумку и докладывая:

– Хлеба-яиц-масла купил, конфеты-фрукты-мороженое купил. Детей бабушка ещё не привела. Проходи.

– Лёша, я подарок для Толика принесла. Хочешь посмотреть? – Таня потянулась рукой за пазуху пальто.

– Что там у тебя такое? – полюбопытствовал Папа-Лёша.

– Это пудель, её зовут Чёли, условно, – и, не давая мужу опомниться, спросила, – как ты думаешь, ребёнку она понравится?

– Ты с ума сошла, Таня, нам только собаки в доме не хватает! Нам вполне достаточно нашего Васьки.

Васькой был кот, которого год назад котёнком Таня подобрала в лесу по пути на дачу. Из мокрого и испуганного котёнка-подростка Васька превратился в роскошного сибирского кота, которого все в доме любили.

Татьяна озабоченно вздохнула, но сдаваться не собиралась и тут же пошла в наступление:

– Хорошо, собака нам не нужна! Но сегодня у сына его первый маленький юбилей, 5 лет. Что мы подарим ребёнку? Или у тебя есть другие варианты?

Других вариантов у Папы-Лёши не было, и Таня это прекрасно знала. Папа-Лёша тоже понимал, что ему придётся согласиться с выбором Тани, поэтому примирительно произнёс:

– Только я за собакой ухаживать не буду!

– Ну и ладно! – согласилась Таня. Можно подумать Папе-Лёше приходилось за кем-то ещё ухаживать. Последнее она не сказала вслух, а подумала про себя. Как-нибудь справимся.

С этими мыслями Татьяна опустила щенка на пол, где он тут же сотворил тёплую лужицу, и отправилась на кухню варганить ужин. Папа-Лёша, что-то тихо бурча себе под нос, притащил половую тряпку, вытер лужицу и взял щенка на руки. Малышка благодарственно лизнула ему руки, чем, похоже, расположила к себе этого большого человека. Через полчаса, когда Татьяна вышла в коридор встречать пришедших от бабушки детей, Чёли мирно спала, согревшись между лап большого плюшевого ослика, лежащего на паласе в большой комнате.

Имя для подарка

Маша и Толик с шумом ввалились в прихожую, сопровождаемые бабушкой, у которой проводили дневное время, пока родители были на службе.

– Мама, мама, у Толички сегодня любилей! Баба сказала, что у нас будет праздничный ужин. Ты его уже приготовила? – и, не дожидаясь ответа, Маша продолжала сыпать вопросами, – а любилей бывают у всех? А любилей – это потому что человека все любят? А тебя все любят? А какой подарок будет у Толи? А у меня будет подарок?

– Мася! Я тоже хочу спрашивать! – возмущённо вставил свою фразу в Машкин словесный поток «любиляр», стягивая с головы шапку и сбрасывая с ног мокрые сапожки. – Мама, у меня правда сегодня будет подарок?

– Подарок тебя уже ждёт, – проговорил Папа-Лёша, наблюдая, как самостоятельно снимает верхнюю одежду сын, и как бабушка помогает раздеться Машеньке, которая в её присутствии, как правило, становилась уморительно беспомощной. – Вон твой подарок, лежит в обнимку с осликом.

Толик повернулся в сторону, указанную Папой-Лёшей, и, стягивая с плеч пальтишко, деловито спросил: «Собака что ли?» – думая, по-видимому, что это очередная плюшевая игрушка. В этот момент, разбуженная шумом в прихожей, Чёли проснулась и подняла голову. От неожиданности Толян на секунду замер и тут же в восторге завопил: «Мама, она живая!» Пугаясь в полуснятой одежде и спотыкаясь на ходу, он бросился в комнату, подхватил на руки сонного щенка, прижал его к груди и замер, блаженно улыбаясь. Все вокруг: и мама, и Папа-

Лёша, и бабушка, и даже Машенька тоже замерли, наблюдая минуту удивительного Толькиного счастья.

- Это моя собака? – всё еще не веря в случившееся спросил Толик.
- Конечно твоя! Ты ведь сегодня юбиляр! – ответила мама.
- А как её зовут? – продолжил диалог счастливый обладатель живого подарка.
- Её зовут Чёли, потому что она черная. Черная – Чёли.
- А кто её так назвал?
- Хозяйка её мамы.
- Но ведь теперь это моя собака?
- Конечно твоя!
- Значит, я могу назвать её как хочу?
- Конечно, можешь! Как бы ты хотел назвать свою собаку?

Всё ещё прижимая щенка к груди, Толик посмотрел на притихшую собачку, мечтательно улыбнулся, обвёл всех затуманенным от счастья взглядом и тихим голосом произнёс:

– Она такая красивая... Она так похожа на девочку с восьмого этажа... Я буду звать её Катей...

Папа-Лёша смущённо крикнул, Маша растерянно глядела то на маму, то на бабушку в ожидании реакции.

– Вообще-то животных не принято называть именами людей, – осторожно произнесла бабушка.

– А вот и нет, – тут же встряла Маша, – мы же зовём нашего кота Васькой? Васька – человеческое имя. А Толик – влюблённый!

– Наверное, Катя – очень хорошая девочка, если Толику она так нравится, – сказала Таня. Толик утвердительно кивнул, а мама продолжила, – надеюсь, девочка не обидится, когда узнает, что её именем назвали собаку.

– Не её именем, – поправил Папа-Лёша, – а в честь неё. Женщину такое внимание должно радовать. Поздравляю тебя, Толик, с юбилеем, с первой любовью и с первой собакой! Это очень торжественный и ответственный момент! Думаю, его стоит отметить праздничным ужином. Танечка, приглашай всех к столу.

На следующий день весь двор знал, что у Толика с пятого этажа появилась собака, что эту собаку он назвал Катей в честь девочки с восьмого этажа. Как ни странно, это никого не удивило и не рассмешило.

Кто в доме хозяин (Любовь на всю жизнь)

Маленькая Катька не сразу поняла, кто в доме хозяин. Что такое подарок она тоже не понимала, тем более не понимала, что подарок – это она и есть. Она помнила, как сидела за пазухой у Татьяны, от которой сладко и тепло пахло, пока они шли по улице (что такое духи она тоже не знала). Тогда Катьку ещё звали Чёли, но это она помнила смутно. Было немного страшно, но любопытство брало верх. Чёли высовывала мордочку из-под воротника, вдыхала сырой холодный воздух и тут же пряталась обратно в тёплое нутро Таниного пальто, испугавшись грохота проезжавших мимо машин. Потом она помнила, как Таня достала её из-за пазухи и предъявила Большому Человеку, которого назвала Лёшей. Большой Человек по имени Лёша ей не обрадовался, сказал что-то недовольным тоном в адрес Тани. К тому же на голом полу в коридоре было страшно и одиноко, отчего маленькая Чёли тут же сделала лужу. Лапки её намокли в теплой жижице и она беспомощно заскулила, опасаясь грозы Большого Человека. Но, вопреки её тревожным ожиданиям, Большой Человек по имени Лёша, смешно кряхтя, принес тряпку и вытер досадную лужицу, попутно ласково потрепав маленькую Чёли за ушком. Чёли облегченно вздохнула. Тут же из-за угла прихожей появилась Таня и поставила перед ней блюдце с теплым молоком. И как она догадалась, что псинка (а будущая Катька была псинкой) проголодалась. Молоко тёплой влагой наполнило мягкое щенячье пузичко, под тяжестью которого Чёли, сонно покачиваясь, добрела до лежащего на ковре в комнате плюшевого ослика, уютно и устроилась меж его мягких ног. Через пару секунд она уже сладко спала, не подозревая, что произойдёт с ней уже через несколько минут.

А через несколько минут она проснулась от шума в прихожей, подняла голову и посмотрела из-за осликовой плюшевой ноги туда, откуда доносился шум. В прихожей к Большому Человеку и Тане, которых Чёли уже знала и не боялась, добавились два маленьких человека и строгоголосая Бабушка. Бабушка, кряхтя, стаскивала с капризничавшей девочки намокшую под снегом шубку. Девочка в это время сыпала вопросами, на которые никто не успевал отвечать, и делала Бабушке замечания о том, что та не очень ловко её раздевает. Рядом с ними маленький мальчик самостоятельно и деловито снимал мокрые сапожки и, сопя, высвобождал руки из рукавов курточки. На всю эту по-видимому уже привычную сцену, мягко улыбаясь, смотрели Большой Человек и Таня.

О чем все они говорили, Чёли не очень поняла, как вдруг маленький мальчик, путаясь в одежках, которые не успел снять до конца, бросился в сторону ослика с криком: «Живая!»

– Я не «живая», я – Чёли, – только и успела подумать Чёли, как оказалась в объятиях мальчика. Она почувствовала, как радостно колотится сердце в его груди, и в её кудрявой головке родился вопрос:

– «Живая» – это что, моё новое имя? И чем им «Чёли» не угодило, хорошее имя, я к нему привыкла? – она обвела бусинками черных глаз присутствующих и замерла в ожидании, что же будет дальше.

А дальше маленький мальчик, его, как выяснилось, звали Толиком, стал уточнять, чья это собачка. Таня объяснила, что собачка – его подарок на юбилей. Толику сегодня исполнилось 5 лет.

Не поняв, что значит «подарок», Чёли подумала, всё ещё стиснутая в объятиях юбиляра: – 5 лет – солидный возраст! Моей маме, пуделихе Кларе, тоже пять лет, она очень умная и добрая! Но Клара взрослая, она моя мама, а Толик – мальчик. Как же так?

В это время Толик стиснул тельце своего подарка в ладошках, поднял Чёли перед собой и заглянул в её глаза-бусинки. Почему-то ему не понравилось имя Чёли.

– Если это моя собака, значит, я могу называть её как хочу? – и после недолгого и непонятного для Чёли разговора со старшими, Толик заявил, что подарок он будет звать Катей. . .

– Дети, мойте руки, и прошу всех к праздничному столу, – сказала Таня и добавила, – Толик, оставь пока свой подарок в покое, не надо всё время держать собаку на руках.

Новонаречённая Катька была оставлена посреди комнаты возле плюшевого ослика. Она растерянно оглядывалась, понимая, что надо с кем-нибудь обсудить её новое положение. Не обсуждать же это, в самом деле, с плюшевым осликом!

В это самое время из-за угла показалась усато-полосатая морда с хитрющими зелёными кошачьими глазами. Показалась и снова спряталась за углом. Катька, обрадованная возможностью поговорить хоть с кем-то, направилась туда, откуда предательски торчали кошачьи усы, выдавая спрятавшегося за углом комнаты неизвестного Катьке кота. Но не успела она приблизиться к усам и взглянуть, кому же они принадлежат, как неожиданным ударом упругой кошачьей лапы получила из-за угла оплеуху прямо по носу. Катька опрокинулась на спину, взвизгнула, тут же вскочила на лапки, тряхнула головой, чтобы прийти в себя и залаяла на неизвестные ей усы, всё также предательски торчащие из-за угла комнаты. Она лаяла, но в сторону усов не двигалась, опасаясь подлого нападения из-за угла. Усы нетерпеливо шевелились. Их владелец явно поджидал очередную возможность напасть на новенькую и не высовывался. Катька недоумённо замолчала. Что же делать? Любопытство брало верх над страхом перед неизвестным.

– И потом, – рассуждала про себя Катька, – я ведь подарок, меня принесли в этот дом, чтобы порадовать Толика, а вовсе не для того, чтобы какие-то усы на меня нападали. В конце концов, должен же быть в доме хозяин. Что-то я сомневаюсь, что усы здесь главные.

– Р-р-р-р, – глухо, но не сердито проворчала Катька, обращаясь к спрятавшимся за углом усам, как бы говоря им, – я вас не боюсь! Чем нападать из-за угла, выходите лучше знакомиться!

Усы задумчиво пошевелились, но продемонстрировать своего обладателя не торопились. Катька помолчала, озабоченно глядя на опасный угол, и попробовала договориться мирным путём. Она тихонечко заскулила, как бы говоря:

– Не сердитесь, пожалуйста, я здесь новенькая. Мне сказали, что я – подарок, и что меня теперь зовут Катькой. А тебя, то есть Вас, как зовут?

Усы за углом ещё какое-то время помолчали, явно соображая, стоит ли связываться с этим подарком. Но затем, не выглядывая из-за угла, как бы нехотя, произнесли:

– Меня, между прочим, зовут Василием, чтоб ты знала! И я – не подарок, поэтому будешь знать своё место и не переходить мне дорогу.

Назвавшийся Василием секунду помолчал и муркнул:

– Так и быть, иди сюда, будем знакомиться. – Вслед за усам из-за угла высунулась и вновь спряталась наглая кошачья морда.

– А ты не будешь драться? – спросила Катька, делая шаг в кошачью сторону.

– Пока не буду, иди знакомиться, – ответил Василий.

– А почему ты не подарок? – опять спросила Катька.

– Потому что Татьяна говорит про меня «наш Васька не подарок, а сплошное недоразумение» – с солидностью в голосе произнёс кот.

– Поня-атно, – на зевке протянула Катька, – ты – недоразумение, и тебя зовут Васькой.

Такого панибратства Васька от этой мелюзги не ожидал. Он вышел Катьке навстречу, и она ошалела от неожиданности, увидев, что усы принадлежат огромному серо-полосатому коту с пушистым хвостом, белой окладистой манишкой на груди и в белых же перчатках на передних лапах. Кот был на три головы выше Катьки, он надменно посмотрел на неё сверху вниз и чванливо произнёс:

– Для тебя я – Василий! А «недоразумение» и «Ваську» я терплю только от Татьяны. Терплю лишь потому, что она в этом доме заведует кухней. А кухня, дорогой мой подарок, в нашем с тобой положении – это жизнь.

– Я не твой подарок, меня подарили Толику, – парировала Катька, но тут же осеклась, потому что опять получила оплеуху по носу. Правда, шлепок был не сильным.

– Говорить будешь, когда я тебе позволю, – потому что в этом доме я главнее тебя. Тебя принесли только-что, а меня хозяйева любят уже две зимы и два лета, – сурово произнёс Васька и нетерпеливо дёрнул пушистым хвостом, демонстрируя тем самым, что не потерпит возражений.

– И ещё, – продолжил он со знанием дела, – в большой стае всегда важно знать кто кого...

– Старше? – опередила вопросом Катька и опять получила подзатыльник.

– Не старше, а главнее! Я, например, главнее тебя, потому что появился здесь раньше. Маша и Толик – главнее меня, Таня – главнее Маши и Толика, а Лёша главнее Тани.

– Значит, раньше всех здесь появился Лёша? – уточнила Катька.

– Я не знаю, кто из них появился здесь раньше. Когда меня сюда принесли, они все здесь уже были.

– Как же ты узнал, что самый главный Лёша? – поинтересовалась Катька и тут же предположила, – потому что он самый большой.

– Размер, конечно, играет важную роль, – подтвердил Василий и встал перед Катькой на все свои четыре лапы, распушив поднятый вверх хвост. Катька с уважением вздохнула и прижалась пузичком к полу, подтверждая, что с Васькиными размерами ей пока не тягаться.

– Размер – не главное, – продолжил Васька, – если ты будешь внимательной, то не раз услышишь, как Татьяна говорит «спросим у папы (папой она с детьми называет Лёшу)», «папа знает как лучше», «будет так, как скажет папа».

– Поняла! – радостно кивнула Катька. – Лёша главный и я должна его слушаться.

Обидный шлепок по носу тут же прилетел от Васькиной лапы.

– Ну, хватит уже драться, – обиженно скульнула Катька.

– Я не дерусь, я объясняю для особо непонятливых, – презрительно мяукнул в ответ Василий. – Слушаться ты будешь и меня, и детей, и Таню, и Лёшу, потому что твой номер – последний.

– Но как же тогда жить? Кто-то должен быть самым-самым главным! В моей родной стае самой главной была пуделиха мама-Клара. А здесь, кто здесь самый главный? – Катька от отчаяния и непонимания нового мироустройства жалобно заскулила, уткнувшись носиком в брюхо бессловесному плюшевому ослику. Василий презрительно хмыкнул, глядя на неожиданно разыгравшуюся трагедию и отчаяние несмышлёной Катьки. Он помолчал, задумчиво почесал задней лапой за правым ухом, лениво потянулся. Катька не унималась, горестно скуля в брюхо плюшевому ослику.

– Ладно, кончай ныть, – примирительно муркнул Василий. – Всё не так страшно, как тебе кажется. Да, командовать будут все, и слушаться по мере сил ты будешь всех. Но залог твоего счастья – любовь!

– Любовь Толика к девочке Кате, в честь которой он меня назвал? – всхлипнув, спросила Катька.

– Глупая, любовь Толика к девочке Кате – это не твоя любовь. Вот я, например, люблю Таню. И хотя она зовёт меня Васькой и недоразумением, всегда оставляет мне лакомый кусочек на обед, ласкает меня и чешет мне за ушами... Мурр-как хорошо!

– Тогда и я буду любить Таню! – воскликнула Катька.

– Ну, уж нетушки, ты к Тане лучше не лезь, мы с Лёшей её без тебя любим. Ухаживать за тобой она и без того будет, потому что ты подарок, а Толик ещё мальчик и не может быть

взаправдашним хозяином. Впрочем, ты можешь любить Толика... – Васька снисходительно хмыкнул.

– У Толика уже есть любовь, девочка Катя с восьмого этажа, а я – всего лишь подарок и напоминание об этой любви, – вздохнула Катька.

– Правильно рассуждаешь, – одобрительно муркнул Василий. – Твоя любовь должна быть преданной и беззаветной, а самое главное, ни с кем не делимой.

– Кого же мне любить? Может Бабушку? Вон она как громко разговаривает на кухне! – стала рассуждать вслух Катька.

– Нет, Бабушка не годится, она персонаж проходящий, хотя и пытается всеми руководить.

– Что же мне делать, кого любить? – воскликнула Катька.

– Придётся тебе, Катька, положиться на судьбу! – деловито заметил Василий.

– Как это положиться на судьбу? – удивилась Катька.

– Вот послушай, – начал Васька. – Однажды, когда я был такой же маленький как ты, я совсем пропал, потому что заблудился в лесу и потерял дорогу домой. Начался дождь, я промок до нитки, звал на помощь и думал уже, что часы мои сочтены. Чтобы не утонуть в разбухшем от дождя ручье я залез на дерево, вцепился в мокрую ветку и приготовился умирать. Сидевшая на соседней ветке сорока, чтобы утешить меня, сказала:

– Хватит ныть, малыш! Положись на судьбу. Дождь скоро кончится, ты обсохнешь, и всё наладится как-нибудь. Она сказала так и улетела, а я остался сидеть мокрый на мокрой ветке под мокрым дождем, соображая, что значит «положиться на судьбу».

– Ну и как, сообразил? Как ты на неё «положился»? – с интересом спросила Катька, уже переставшая скулить и ныть.

– Я молился кошачьему Богу, и он сжалился надо мной. Мои мольбы услышала проходящая мимо женщина. Она сняла меня, мокрого, с ветки, сунула за пазуху и принесла к себе в дом. Это была Таня. Потом уже я познакомился с Толиком, Машей, Лёшей и проходящей Бабушкой.

Катька с восторгом слушала Васькину историю и соображала, как ей положиться на свою судьбу. Опыта у неё совсем не было, в лесу она не терялась, да и не знала вовсе, что такое лес. Вся надежда была на опытного Василия и неведомого кошачьего бога. Уж он-то знал, что значит «положиться на судьбу».

– Ты спрашиваешь, как положиться на судьбу? – предварил Катькин вопрос Василий и незамедлительно продолжил, – все просто, представь, какой должна быть твоя преданная и беззаветная любовь, и она не замедлит появиться.

– И мне поможет твой кошачий бог?

– Если ты кошка – поможет, – удивляясь Катькиной наивности но по-прежнему серьёзно ответил Василий. Катька горестно вздохнула:

– Нет, я не кошка... – но, тем не менее, зажмурила глаза-бусинки и, не открывая их, с жаром произнесла:

– Моя любовь будет очень большая, сильная, добрая, тёплая и ласковая...

Не успела она это произнести, как из-за угла по каким-то своим делам направляясь из кухни в комнату, вывернул Лёша. Он споткнулся о лежащего на паласе плюшевого ослика, отдал хвост возмущённо взвизгнувшему Ваське и, чертыхнувшись, зацепил ногой заверещавшую от неожиданности Катьку. Васька тут же оказался на верхней полке книжного стеллажа, откуда с досадой наблюдал за происходящим внизу. Катька от страха, ничего не соображая, сжалась в клубочек, потому что Лёша был куда крупнее Васьки... Он был очень большой...

– Тут-то мне и конец! – подумала Катька. Но в это мгновение Лёша, наклонившись, одной ладонью подхватил дрожащую от страха Катьку, и она почувствовала, его огромную

силу. Досадливо кряхтя, Лёша прижал кудрявый комочек к своей широкой груди, и Катька почувствовала, как от него пышет теплом. Лёша потрепал её за ушком:

– Что, малышка, испугалась? Я нечаянно... – Катя облегченно вздохнула и поняла, что он добрый и ласковый.

Васька оказался прав. Катька правильно положилась на судьбу, и та её не обманула. Это была любовь: большая, сильная, добрая, теплая и ласковая... на всю жизнь!

О любви преданной и беззаветной

Маленькая Катька росла и развивалась довольно быстро. Внимательно выслушав советы бывалого кота Василия и пожившись по его примеру на судьбу, она не только обрела семью, в которой о ней заботились и учили её правильному собачьему поведению (спасибо маме Тане), с ней играли и гуляли (Толик и Машенька, то вместе, то по переменке, иногда Таня и, уж совсем редко, как особое поощрение – Лёша), ей ещё и растолковывали всякие житейские недоразумения. Больше других, конечно, старался кот Василий. Во-первых, он был специалистом по недоразумениям, а во-вторых, его в этой семье любили уже две зимы и два лета. Даже Таня называла его «сплошным недоразумением» и периодически за эти самые недоразумения шлёпала кота кухонной тряпкой.

Катька в новой для неё семье только-только нарисовалась, ещё даже первая её зима не наступила, и она понятия не имела что такое снег. Но зато Катька уже обрела для себя любовь в лице Большого Человека Лёши. И не важно, что Лёша почти с ней не играл и не гулял (это делали Толик и Машенька), он не кормил её и не мыл ей лапы после прогулки (для этого была Таня), и, увы, он редко с ней разговаривал, потому что был очень занятым человеком.

Ещё в самом начале своей большой любви к Лёше Катька засомневалась в правильности определений «преданная» и «беззаветная».

Единственным специалистом в вопросах любви, способным развеять её сомнения был хитромудрый кот Васька. Отношения с ним налаживались непросто, и Катька ждала удобного момента, чтобы поговорить с ним на тему любви.

В тот день они остались дома одни. Детей забрала приходящая Бабушка, а Таня с Лёшей ушли на службу. До самого последнего момента, пока они обувались в прихожей, уже готовые к выходу, Катька путалась у них под ногами, думая, что хозяева собираются на прогулку и сейчас возьмут её с собой. Она была ещё глупым щенком и не различала пока сборы на работу и сборы на прогулку. В этом хорошо разбирался Васька, но он не торопился наставлять её по этому вопросу и лишь снисходительно наблюдал из кресла в большой комнате за её ежечасными глупостями:

– Вот дурочка, – жмурился он, изображая полное безразличие к происходящему в прихожей, и презрительно подёргивал кончиком пушистого хвоста.

Как только входная дверь закрылась, и в доме стало тихо, Васька слез с кресла и, проходя мимо Катьки, презрительно дёрнул пушистым хвостом, обидно пощекотав им Катькин нос.

– Мр-р-р! Так унижаться перед хозяевами могут только глупые маленькие собаки, – Васька произнёс это негромко, как бы ни к кому не обращаясь.

Катька оглянулась вокруг, никого кроме них в доме не было.

– Ах, так?! Я – маленькая глупая собака? – не выдержала Катька, – зато я про тебя что-то знаю! – она твякнула и замерла, вызывающе глядя вслед удаляющемуся в сторону кухни Ваське. Васька замедлил шаг: «О чем это она?» Он явно ждал продолжения, но не оглянулся.

– Иди-иди, – заворчала Катька, повернулась и пошла, оглядываясь на кота, в детскую комнату. При этом она негромко, но всё же так, чтобы её слышали, бормотала себе под нос:

– Заветная сосисочка под Толиным столом... Была твоя, станет...

– Стоять! – завопил Васька, сообразив, о чем бормочет направляющаяся в детскую Катька. – Это моя сосиска!

Пробуксовав задними лапами на повороте, Васька сшиб с ног Катьку. Опередив её, он вломился в детскую комнату и кинулся под столик, что стоял возле Толиной кровати. Подумать только, эта мелюзга задумала покуситься на сосиску, которую Васька стащил тайком с кухонного стола, когда Таня утром готовила завтрак.

Всем своим пушистым существом Васька перекрыл подходы к лежащей под столом сосиске и сердито зашипел:

– Уйди, мелочь пузатая! Это моё!

– Ну и жадина ты, Васька! – с сожалением произнесла Катька. – Жадина и вор!

– Я не вор, я добытчик, – парировал Васька, на ходу уплетая сосиску. Он не был голоден, но тайник был раскрыт, и добычу нужно было уничтожить, чтобы она никому не досталась...

Катька хотела с достоинством встать и уйти из детской, чтобы не видеть, как позорится Васька, но сосиска пахла так аппетитно, что ни глаз, ни носа от неё отвести было невозможно. Катька судорожно сглотнула предательскую слюну и, вместо того, чтобы выйти из комнаты, сделала шаг в сторону Васьки и доедаемой им сосиски.

– Стой где сидишь! – прошамкал наполненной сосиской пастью Васька и угрожающе выставил вперёд лапу с выпущенными когтями. В этот момент кусочек сосиски оторвался и откатился в сторону. Будь что будет! Никто бы в этот момент не удержался от соблазна.

– Я тоже добытчик! – твякнула Катька, одним прыжком подскочила к обалдевшему от её наглости Ваське, схватила бесхозный кусочек сосиски, тут же его проглотила и замерла в ужасе от того, что только что сотворила.

– Нифигасе! – Васька чуть не подавился последним куском сосиски. – Ну, держись, рукавичка нестриженная! – И он со всего маху кинулся на Катьку, ударом мощной лапы сбил её с ног, и та покатила визжащим клубком под кресло в большой комнате.

– Будешь знать, как воровать чужую добычу! – попытожил Васька свою атаку, загнав Катьку глубоко под Лёшино кресло. Там было темно и пыльно, но относительно безопасно.

– Подумаешь, сколько шума из-за кусочка сосиски, – проворчала из пыльной темноты Катька.

– Дело не в сосиске, дело в принципе, – отозвался Васька. Он лежал и лениво вылизывался в кресле, под которое только что загнал маленькую Катьку, и следил, чтобы она оттуда не высовывалась. – У меня натура добытчика. И с этим я ничего поделать не могу. Недоразумение состоит в том, что коты – существа независимые. Нам нужна самостоятельность и свобода. Одно дело поест из миски, которую для тебя наполнила хозяйка, и совсем другое – самостоятельно добыть еду.

– А как же любовь и преданность? – спросила Катька, высунув мордочку из-под кресла. Васька тут же шлёпнул её лапой по мордочке, чтобы она не высовывалась.

– Любовь и преданность – это для собак и для людей, а для нас, котов, прежде всего – голос нашей природы.

– И о чем говорит тебе этот голос? – Катькин нос опять высунулся из-под кресла и опять получил оплеуху.

– Моя природа говорит мне, что я добытчик, охотник и ловелас...

– Лове... кого? – не поняла Катька.

– Лове-лове, – передразнил Васька собеседницу под креслом. – Не кого, а кто! Ловеласы – это мартовские коты. Вот пройдет зима, и природа позовет меня на крышу петь любовные песни окружающим кошкам и биться за них на кошачьих турнирах.

Васька мечтательно зажмурил глаза и сладко вздохнул.

– А как же любовь? А как же судьба, на которую я по твоему совету положились? Ведь это ты говорил мне про любовь! – возмутилась из-под кресла Катька.

– Ну, говорил... Должен же кто-то учить тебя уму-разуму. Вам, собакам, без любви никак нельзя, пропадёте... Вот у тебя теперь есть любовь?

– Есть! – утвердительно гавкнула Катька. – Я люблю Лёшу!

– Ну и как ты чувствуешь эту свою любовь?

– Пока не знаю... Ты сказал тогда, что любовь моя должна быть какая-то преданная и беззаветная, так? – Катька вылезла из-под кресла и села перед Василием, вопросительно приподняв ушки.

– Ну, так! А что тебя не устраивает? – равнодушно вылизывая пушистый хвост, спросил Васька.

– Мне кажется, ты что-то напутал – с сомнением в голосе произнесла Катька.

– И что же я мог, по-твоему, напутать, влюблённая ты моя? – Васька опять начинал издеваться, но Катька не обратила на это внимание, она размышляла о своей любви:

– Вот ты говоришь, что любовь должна быть «преданная». Я знаю, например, что Маша и Толик любят друг друга. Но вчера Машенька кричала на Толика, который сломал башенку из её кубиков, что он – предатель. Значит, чтобы любовь стала преданной, надо что-то сломать. Что я должна сломать для Лёши? Башенки из кубиков он не строит... Как же он узнает, что у меня к нему преданная любовь? Может, стоит погрызть его тапки? Он их ценит также как Маша свои кубики...

Васька удивлённо вытаращил глаза, усы у него поднялись вверх и он застыл от изумления, пытаясь разобраться в хитросплетениях Катькиных рассуждений. Катька тем временем продолжала:

– Ещё моя любовь, по твоим, Васька, словам, должна быть «беззаветной». Но этого слова я ни от кого, кроме тебя не слышала! Ты, наверное, опять что-то напутал? Я слышала, например, что у Толика «безответная» любовь к девочке Кате с восьмого этажа. Это он в честь неё он назвал меня Катькой. Я слышала ещё, как тётка на улице кричала другому человеку «ты – чурбан безответный!». Но ведь любовь это не чурбан! Или чурбан? А что такое «чурбан»?

– «Чурбан» – это кусок дерева, – прокомментировал Васька.

– Нет, любовь это не кусок дерева. – уверенно заявила Катька, и продолжила, – Вчера Таня сказала Лёше, что он оставил её вопрос «без ответа»... Может, любовь это вопрос?.. И почему я должна задавать вопросы, чтобы любовь получилась безответная?..

– Вот даёт! – изумился слушающий Катьку Василий, – ты хоть соображаешь сама, что говоришь?!

Катька горестно вздохнула под тяжестью собственных мыслей. Васька, если бы умел, покрутил бы когтем у виска, как это делает Толик в ответ на глупость, которую вдруг сморозит Машенька, но он глубокомысленно произнёс:

– Знаешь, Катька, я только что про тебя кое-что понял?

– Что? – поинтересовалась Катька, всё ещё погружённая в мысли о предательской и безответной своей любви к Лёше.

– Я понял, что у тебя хороший нюх, ведь учуяла же ты, где я прячу заныканную сосиску. У тебя даже есть уши, и ты ими слышишь, кто кому и что говорит...

Катька завиляла хвостиком, польщённая Васькиной похвалой.

– И голова есть, и уши, – продолжил Василий, – вот только мозгов нет! – и он демонстративно-горестно вздохнул, мол, о чем с этой глупышкой разговаривать.

– Как это нет мозгов? – тут же возмутилась Катька. – Я их буквально выворачиваю, чтобы в любви разобраться, а ты говоришь, что у меня их нет!

– Глупая ты, ещё! Нет мозгов, это не в смысле, что их вообще нет. Это в смысле есть, но не те... И, вообще, для любви мозги не нужны! – глубокомысленно промурчал Василий.

– Вот тебе раз, – выдохнула Катька, – сначала мозгов нет! Потом они есть, но не те! Потом те, которые есть, оказывается, не нужны! Что же мне делать, когда такое положение с мозгами?! Как разобраться со своей «безответной» и «предательской» любовью? Тапки грызть? Ненужные вопросы задавать? – Катька от отчаяния и безысходности жалобно заскулила:

– Васенька, миленький, ты большой, ты умный, научи, как мне быть с моей любовью?

– Ладно, не хнычь, – успокоил Василий хлюпающую носом Катьку. – На счет мозгов я фигурально выразился. Они есть у всех, но не все ими правильно пользуются. Сейчас во всем разберёмся. Перво-наперво, для любви нужны душа и сердце! Вот когда ты на своего Лёшу смотришь, что ты чувствуешь, как себя ведёшь?

Катька на секунду задумалась и ответила:

– Внутри у меня что-то начинает колотиться, как будто выпрыгнуть хочет...

– Это сердце, – со знанием дела отметил Васька, – и... что ты в этот момент делаешь? – спросил он подводющим тоном.

– Чтобы оно не выпрыгнуло, я тоже начинаю прыгать. От радости у меня дух захватывает и из груди вырывается громкие вопли, – ответила Катька и подпрыгнула на месте.

– Вопли – это душа поёт, – понимающе кивнул Василий.

– Значит, у меня есть и сердце, и душа? – с надеждой в голосе уточнила Катька.

– Есть, – подтвердил Василий.

– А раз так, то и любовь есть, – сделала вывод Катька. – Вот только не понятно, почему она должна быть «безответная» и «предательская»? – нетерпеливо переспросила Катька.

– Не «безответная», а БЕЗЗАВЕТНАЯ! И не «предательская», ПРЕДАННАЯ, – поправил её Василий.

– А разве я не так сказала? – удивилась Катька в ответ.

– Нет, не так! У людей, Катька, много слов, которые звучат похоже, но означают совсем разные вещи. Поэтому, чтобы не напутать что-либо, слушай внимательно...

– Ты же сам сказал, что у меня хорошие уши, и я всё слышу, – вставила своё Катька.

– Слышать и слушать – тоже разные слова, – терпеливо продолжал свой урок Василий. – Слышать может каждый, у кого есть уши, а слушать может только тот, кто понимает и осознаёт, что он слышит.

– Это как? – изумилась Катька.

– Очень просто! – назидательно произнёс Васька. Вот ты, например, услышала от меня два слова, которые должны определять твою собачью любовь к выбранному тобой человеку.

– Я выбрала Лёшу, – перебила Василия Катька.

– Ну, хоть бы и Лёшу, это твой выбор. Твоя собачья любовь, сказал я тогда, должна быть «преданной» и «беззаветной». Похоже, ты этих слов тогда не знала и, вместо того, чтобы понять, что они означают, начала искать, кто ещё говорит их кроме меня, так?

– Так-так! Я услышала эти слова у Толи, у Маши, у Тани, – вдруг осенило Катьку.

– Эти, да не совсем! Ты услышала слова похожие, но не те.

– Всё! Я запуталась! – сделала самостоятельный вывод Катька и взмолилась, – Васенька, миленький, распутывай меня скорее!

– Знаешь, Катька, у людей есть слова, которые они используют очень редко, потому что они драгоценные и ими не разбрасываются.

– Как это «не разбрасываются»? Слова это ведь не кубики! – Катька наморщила сосредоточенно нос.

– «Не разбрасываются» – это значит «берегут», произносят только в очень важных случаях, потому что очень высоко их ценят и не каждому доверяют.

– Я, конечно, не собака, – обратился Василий к Катьке, – но кое-что в собачьей жизни понимаю и знаю, как важна для собаки преданная и беззаветная любовь к человеку. Слушай, малышка, и запоминай: ПРЕДАННЫЙ – это значит неизменный, верный, сохраняемый надолго, иногда на всю жизнь. А БЕЗЗАВЕТНЫЙ – это чуждый всякого расчета; не требующий ничего взамен, самоотверженный, преисполненный безусловного, полного доверия.

Васька помолчал, внимательно посмотрел на притихшую Катьку и спросил:

– Ты услышала, о чем я говорю?

Катка закивала кудрявой головой, нетерпеливо перебрала на месте передними лапками, глубоко вздохнула и ответила:

– Лёшины тапки грызть не буду, глупые вопросы без ответов задавать не буду, выпрашивать нежности всякие не буду...

Наступила пауза, после которой Катка отчетливо и ясно произнесла, глядя в глаза Василию:

– Я буду любить моего человека **ПРЕДАННО** и **БЕЗЗАВЕТНО!**

Первая прогулка и первая стрижка

Наступила первая в жизни Катьки зима. Она ждала её с нетерпением. Что такое лето и что такое осень она уже знала, потому что летом родилась, а осенью стала Толиным подарком. Летом было очень тепло и солнечно, а осенью сыро и грязно.

Весь Катькин мир сначала был сосредоточен в комнате, где она жила с мамой, пуделихой Кларой, и своими братишками и сестрёнками, такими же щенками-пуделяшками, как и она. Потом они, каждый в своё время, стали чьими-то подарками. Когда щенков вручали новым хозяевам, всегда произносилось, что они родились летом и что осенью, до снега, нужно сделать первые прививки.

В новом доме, там, где жили Толик с Машенькой, их родители и кот Василий, Катька услышала про грязную и сырую осень. На улицу её ещё не выпускали, потому что не сделаны были нужные прививки, но от проходящих с улицы домочадцев пахло сыростью и свежестью. А ещё снятую уличную обувь тут же несли сначала мыть, а потом ставили её сушиться возле батареи. В общем, какое-никакое представление о лете и осени у Катьки было. Кое-что она уже знала и о весне, потому что кот Василий как-то упомянул с тоской, что весной его природный голос зовёт его на крышу петь кошачьи серенады. А вот про зиму, какая она, пока никто ничего не говорил. Разве что всё тот же Васька не уставал повторять, что его в этом доме любят уже две зимы и два лета, в отличие от Катьки, которая только-только здесь объявилась. Катька на первенство не претендовала, но ей очень хотелось узнать, что такое «зима».

Наконец, приглашённый в дом ветеринарный врач поставил Катьке все необходимые собачьи прививки, вручил хозяевам настоящий собачий паспорт, подтверждающий, что всё у Катьки происходит по собачьим правилам. И вот наступил день первой Катькиной прогулки.

Во дворе ярко светило солнце, и ребяташки гурьбой барахтались в ослепительно белых сугробах. Катька замерла на крыльце от страха, смешанного со щенячьим восторгом. Татьяна потянула её за поводок:

– Иди, иди, милая, не бойся! Смотри, какой снег белый!

С высоты ближнего сугроба, весь вываленный в снегу, розовощёкий и довольный, навстречу Катьке скатился Толик:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.